

Бродский и Солженицын

Подчеркнем еще раз, что различие между Бродским и Солженицыным – стилистическое. То, о чем говорил Бродский, хотя и могло прозвучать в стихах иронически цинично, диктовалось не цинизмом и не одной прагматикой. Так же, как солженицынский дискурс, обращение Бродского к Западу имело духовную подоплеку. Если в статье 1972 года проповедь Добра звучит абстрактно, то в «Актовой речи» (1984) Бродский прямо цитирует Нагорную проповедь. Но, кажется, нигде у Бродского утверждение Добра не достигает такой метафорической интенсивности, как в середине рождественского стихотворения 1980 года «Снег идет, оставляя весь мир в меньшинстве...» (У):

Сколько света набилось в осколок звезды,
на ночь глядя! как беженцев в лодку.

Если свет рождественской звезды – это энергия Добра в чистом виде, то квант этого света становится под пером Бродского лодкой, в которой спасаются от преследующего их Зла самые обездоленные люди на Земле. Беженцы в лодке – в конце семидесятых, в начале восьмидесятых годов их едва ли не ежедневно можно было увидеть в телевизионных новостях или прочитать о них в газете: вьетнамцы и кубинцы, пытающиеся в утлых, иногда самодельных суденышках бежать от коммунистических тиранов⁴⁴⁶.

Лично Бродский и Солженицын никогда не встречались, хотя от Саут-Хедли в Массачусетсе, где подолгу жил и работал Бродский, до имения Солженицына в Кавендише в Вермонте не более полутора часов езды на машине. Если Бродского спрашивали о Солженицыне как о писателе, то он неизменно повторял то, что некогда слышал от Ахматовой: «Для меня Александр Исаевич – это совершенно замечательный писатель, чьи книги должны прочесть все триста миллионов людей, проживающих в Советском Союзе».

444 СИБ-2. Т. 7. С. 65-66.

445 Там же. Т. 5. С. 279.

446 См. об этом также в эссе «Состояние, которое мы называем изгнанием» (СИБ-2. Т. 6).

Или: «Советская власть обрела в Солженицыне своего Гомера. Он сумел открыть столько правды, сумел сдвинуть мир с прежней точки...»⁴⁴⁷ Однако о политических взглядах Солженицына Бродский высказывался порой очень резко. В 1995 году на замечание журналиста: «По его (Солженицына. – Л. Л.) мнению, Россия – хранитель неких ценностей, которые Запад предал» – Бродский ответил, не скрывая раздражения: «То, что говорит Солженицын, – монструозные бредни. Обычная демагогия, только минус заменен на плюс. Как политик он – абсолютный нуль»⁴⁴⁸. Далее он пояснил свою претензию к Солженицыну в более спокойном тоне: Солженицына так же, как Блока, Пастернака и отчасти Мандельштама (но не Ахматову и не Цветаеву!), подводит «русская провинциальная тенденция во всем, что происходит, во всяком страшном опыте видеть руку Провидения. <...> Солженицын не понимал и не понимает одной простой вещи. Он думал, что имеет дело с коммунизмом, с политической доктриной. Не понимал, что имеет дело с человеком»⁴⁴⁹.

Та телеология, та религиозно-романтическая концепция истории, из которой славянофилы, Достоевский, Леонтьев, Бердяев и другие духовные предшественники Солженицына выводили «русскую идею», а Солженицын – представление о роковых узловых моментах, когда на Россию обрушивались удары мирового зла, Бродского не увлекает. Для него нет истории вне индивидуальных человеческих судеб, и центральным объектом писательского интереса должен быть человек, наиболее страдающий от истории. Все спекуляции относительно смысла истории уводят в сторону от человеческой трагедии. «При всей моей симпатии к Александру Исаевичу, мне это не понравилось уже в „Одном дне Ивана Денисовича“. Что там говорить, книга замечательная. Но с другой стороны – сам Иван Денисович. Ему удастся выжить, он прекрасный человек. А как быть с теми, кому выжить не удалось? Даже если они и хуже Ивана Денисовича?»⁴⁵⁰

Бродский высказывался о Солженицыне не только в интервью. В 1977 году он напечатал восторженный отклик на английское издание «Архипелага ГУЛаг»⁴⁵¹, в 1984-м в эссе «Катастрофы в воздухе» вспоминал о том, какое сильное впечатление произвел на него роман «Раковый корпус».

Что касается Солженицына, то его отношение к поэзии Бродского претерпело с годами существенные изменения. В мае 1977 года он писал поэту: «Ни в одном русском журнале не пропускаю Ваших стихов, не перестаю восхищаться Вашим блистательным мастерством. Иногда страшусь, что Вы как бы в чем-то разрушаете стих, – но и это Вы делаете с несравненным талантом»⁴⁵². Куда более отрицательно он оценил почти все творчество Бродского в обстоятельной статье, опубликованной после смерти поэта в журнале «Новый мир»⁴⁵³. Отмечая в виде исключения отдельные удачные стихотворения или фрагменты

447 *Интервью 2000*. С. 470, 85 (первое высказывание относится к 1990 г., второе – восемь годами раньше). Среди интервью есть и более конкретные высказывания о достоинствах и недостатках прозы Солженицына. См. о литературных отношениях двух писателей *Лосев 2000*.

448 *Интервью 2000*. С. 650. То, что Бродский не потрудился выбрать менее грубые выражения, объясняется, видимо, тем, что разговор шел с приятелем – польским журналистом Адамом Михником.

449 Там же. С. 654.

450 Там же.

451 *Partisan Review*, №. 4, 1977; изначальный русский текст под названием «География зла» впервые опубликован Виктором Куллэ (*Бродский 1999*).

452 Письмо от 14 мая 1977 г. (Beinecke, Box 19, Folder 25) опубликовано в: *Лосев 2000*. С. 94. Если Солженицын читал все вещи Бродского, опубликованные в русской зарубежной периодике, то он был практически полностью знаком с основным корпусом произведений Бродского на тот момент.

453 *Солженицын 1999*. См. также последовавшую полемику: *Ефимов 2000*, *Лосев 2000*, *Штерн 2003*.

стихотворений, Солженицын камня на камне не оставляет от поэтики, эстетики и философских взглядов Бродского. Да и общественное поведение поэта представляется ему сомнительным: «Будучи в СССР, он не высказал ни одного весомого политического суждения... Его выступления могла бы призывно потребовать еврейская тема, столь напряженная в те годы в СССР. Но и этого не произошло... „Представление“ – срыв в дешевый раёшник, с советским жаргоном и матом, и карикатура-то не столько на советскость, сколько на Россию, на это отвратительно скотское русское простонародье, да и на православие заодно... Сущностная отчужденность Бродского от русской литературной традиции... <...>; чуждость мировоззренческой, духовной, интеллектуальной сути ее – как в линии Толстого, так и в линии Достоевского...»⁴⁵⁴; «Тормошение Времени и Пространства еще не создает *метафизической поэзии*»⁴⁵⁵.

Солженицын – мистик, то есть человек, чья вера зиждется на откровении, на открывшемся ему религиозном опыте, не в силах поставить себя на место агностика, чьи метафизические колебания как раз и связаны с невозможностью постичь Бога как абсолютно трансцендентного Другого, который находится вне времени, пространства и причинно-следственных связей. Как раз отыскивая все новые и новые поэтические средства для выражения этих метафизических загадок, «тормоша» их, Бродский прямо продолжает литературно-духовные метания Толстого и Достоевского, в особенности последнего, который проецировал на своих героев собственную неспособность успокоиться на какой-либо теодицее, найти место Богу в пространственно-временном, причинно-следственном мире. Агностицизм, как показывают великие примеры, мучителен в личном плане, но сильно увеличивает драматический потенциал писателя.

Солженицын и Бродский были двумя всемирно известными русскими писателями своего времени – два нобелевских лауреата, проживших неподалеку друг от друга долгие годы в Америке, – но их конфликт не имел ничего общего с их международным статусом или эмигрантскими распрями. Он развернулся внутри русской культуры, в рамках традиционно русского спора между «славянофилами» и «западниками». Напоминаем читателю, что славянофильство определяется не повышенной любовью к славянам, а романтической историософией с ее идеями национального предопределения и приоритета органической коллективной духовности над политическими институтами. Не менее русское явление, западничество, состоит не в слепом подражании Западу, а в стремлении упрочить Россию в западной цивилизации, построить в России гражданское общество. «Западник» Бродский не менее, чем «славянофил» Солженицын, был всегда готов грудью стать на защиту России, русских как народа, от предвзятых или легкомысленных обвинений в природной агрессивности, рабской психологии, национальном садомазохизме и т. п.

Так было в 1985 году, когда живущий во Франции чешский писатель Милан Кундера своим несколько легкомысленным эссе о сравнительных достоинствах Достоевского и Дидро невольно спровоцировал Бродского на язвительную отповедь. Суть неприязнительной вещицы Кундеры сводилась к следующему. Случилось так, что в 1968 году, как раз когда советские танки появились на улицах Праги, Кундере надо было перечитать «Идиота» Достоевского. Он испытал сильную неприязнь к этому писателю и попытался разобраться в источниках отвращения. Ненависть ко всему русскому он отменил, поскольку по-прежнему любил Чехова. Короткий разговор с советским офицером объяснил ему всё: русские в недопустимой степени сентиментальны, то есть чувства возводятся ими в ранг абсолютных ценностей и истины. Достоевский лучше всех выразил это русское отношение к миру. Но «мир, где все обращается в чувство», чреват надрывами, истерикой и агрессией. И Кундера испытал ностальгию по миру французского Просвещения, где чувства уравновешены и контролируются рассудком, по Дидро с его «Жаком-фаталистом». «Даже если свести романы

454 Там же. С. 191-192.

455 Там же. С. 188.

Достоевского к тому редуцированному уровню, который предлагает Кундера, совершенно очевидно, что это романы не о чувствах как таковых, но об иерархии чувств. Более того, чувства эти являются реакцией на высказанные мысли, большая часть которых – мысли глубоко рациональные, подобранные, между прочим, на Западе»⁴⁵⁶, – пишет Бродский (он стреляет из пушки по воробью, но для него Кундера только повод высказаться на наиболее болезненную тему). «Преступления, совершенные и совершаемые в тех краях (в Советском Союзе. – Л. Л.), совершались и совершаются во имя не столько любви, сколько необходимости – исторической, в частности. Концепция исторической необходимости есть продукт рациональной мысли, и в Россию она прибыла из стороны западной. <...> Необходимо тем не менее отметить, что нигде не встречал [призрак коммунизма] сопротивления сильнее, начиная с «Бесов» Достоевского и продолжая кровавой бойней Гражданской войны и Великого террора; сопротивление это не закончилось и по сей день»⁴⁵⁷. Солженицын, кажется, мог бы подписаться здесь под каждым словом.